

на жизнь и на себя не махнулъ рукою, и унесъ къ тому Богу, въ котораго онъ вѣрилъ, душу непривыкшую и неуспокоенную, душу требовательную, душу по истинѣ безсмертную. И когда думаешь объ этомъ, то онъ возстаетъ передъ нами весь, единый, цѣльный и великій.

На посмертныхъ страницахъ Толстого, кромѣ отмѣченныхъ произведеній, еще разбросаны великія начала, драгоцѣнные осколки, небольшія законченныя пьесы, и всё онѣ говорятъ о томъ, какъ много потеряно для современниковъ и потомства, какіе великіе замыслы унесъ Толстой въ свою міровую могилу. Напримѣръ, „Записки сумасшедшаго“, это — записки ищущаго, т. е. на самомъ дѣлѣ самаго нормальнаго. Онѣ не закончены, но и такъ видно, что въ нихъ намѣтилъ авторъ собственныя свои тревоги и терзанія, исторію своего религіознаго пробужденія и тотъ страхъ смерти, который сталъ жизненнымъ нервомъ его философіи. Какъ, впрочемъ, и всё люди, Толстой не задумался бы о жизни, если бы не было смерти.

„Записки матери“ напоминаютъ одну изъ лучшихъ жемчужинъ его писательской короны — романъ „Семейное счастье“. Мы встрѣчаемъ въ нихъ новое подтвержденіе того, что Толстой — поэтъ женственности и материнства. Это такъ гармонируетъ съ его натурализмомъ: кто за природу, тотъ за женщину. Такъ это еще со временъ Руссо; и это не можетъ быть иначе, потому что природа — вѣчный